БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES И AMAZON

ДЕББИ ХАРРИ

СЕРДЦЕ ИЗ СТЕКЛА

ОТКРОВЕНИЯ СОЛИСТКИ BLONDIE

18+

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 9

1 ДИТЯ ЛЮБВИ 15

2 PRETTY BABY, YOU LOOK SO HEAVENLY 27

3 ЩЕЛК-ЩЕЛК 49

4 СПЕТЬ СИЛУЭТУ 85

5 РОЖДЕННАЯ БЫТЬ ПАНКОМ 103

6 НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ 123

7 НАБИРАЕМ ВЫСОТУ 155

8 МАТЬ КАБРИНИ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ 175

9 ЗАДНИЙ ХОД 195

10 ВО ВСЕМ ВИНОВАТ VOGUE 215

11 БОРЬБА И ДИКИЕ ЗЕМЛИ 251

12 СОВЕРШЕННЫЙ ВКУС 269

13 РУТИНА 297

14 НАВАЖДЕНИЕ/ПРИНУЖДЕНИЕ 331

15 ПРОТИВОПОСТАВЛЕННЫЕ БОЛЬШИЕ ПАЛЬЦЫ 355

БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ФОТОГРАФИИ И АРТ 363

БЛАГОДАРНОСТИ 364

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТ КРИСА СТЕЙНА

Не знаю, рассказывал ли я эту историю Дебби... или вообще кому-нибудь. В 1969 году я путешествовал и дважды исколесил всю страну вдоль и поперек, а потом поселился у матери в Бруклине. Год для меня был неспокойный. Психоделики и запоздалая реакция на смерть отца расшатали мою и без того надломленную психику.

На пике «обострения» мне приснился сон, который я до сих пор не могу забыть. Квартира матери была на Оушен-авеню — длиннющем городском проспекте. Во сне, в моменте, напомнившем мне фильм «Выпускник», я пытался догнать автобус, а тот медленно отъезжал от нашего большого старого здания. Я и бежал за автобусом — и одновременно был внутри него. Кроме меня, в салоне находилась девушка, блондинка. «Встретимся в городе», — сказала мне она. Автобус уехал, и я остался на улице один.

К 1977 году я и Дебби вовсю гастролировали с Blondie. Самой экзотической остановкой на маршруте точно был Бангкок. В то время город еще не зажали в тиски металл и бетон и выглядел он довольно пасторально: парки на каждом углу и даже грунтовые дороги неподалеку от нашего люксового отеля. Всюду пахло жасмином и гнилью.

Дебби быстро усвоила модель поведения типичной туристки. Как-то раз она осталась на ночь в отеле, а мы с парнями из группы пошли в гости к одному британскому мигранту, с которым познакомились в каком-то баре. Его пожилая служанка-тайка приготовила для нас банановый пирог, начинив его пятьюдесятью тайскими палочками — в семидесятые это был аналог современной

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

сильнодействующей травки. Мы только что вернулись из долгого тура по Австралии, где наркотики в те времена были под жестким запретом. Так что в гостях мы оторвались и до гостиницы добрели кое-как, опираясь друг на друга.

Комната у нас была тоже экзотическая — с декором из ротанга и двумя отдельными кроватями, похожими на раскладушки, с жесткими цилиндрическими подушками в изголовье. Дебби беспокойно спала, и я наконец тоже погрузился в туманную мглу. Где-то ближе к утру мое расслабленное сонное сознание прояснилось и затеяло диалог. «Где мы?» — спросил этот внутренний голос, и Дебби, все еще дремавшая, громко ответила: «Мы же в постели, разве нет?» Я так и сел на своей койке, сон как рукой сняло.

Сказал ли я это вслух и получил от нее ответ, хотя мы оба были в полусне? По сей день, все эти годы, я уверен, что задал вопрос исключительно в мыслях.

А вторая история еще более неуловимая, странная, и говорить о ней еще труднее. Употребление наркотиков было просто частью молодежной музыкальной культуры, к которой мы принадлежали. В этом не было ничего необычного. Во всех клубах, почти без исключения, все напивались либо принимали наркотики. Я потратил кучу времени и сил на то, чтобы излечиться от зависимости. Так что как знать, возможно, я принимаю за движение психики наркотический бред. Вероятно, здесь та же история, что и с религией: ты веришь в то, во что хочешь верить. Ясно только, что сознание может простираться за пределы человека, его физического тела.

Так или иначе, мы с Дебби здорово «разогнались» на одной крайне пафосной вечеринке. Незначительные события и мысли казались предельно отчетливыми. Помню винтовую лестницу и вычурные люстры. Какой-то парень показывал нам свои часы «Сальвадор Дали» от Cartier — это мимолетное впечатление навсегда вре́залось в память. Занятная вещица: стандартный для Cartier циферблат в форме слезы, но изогнутый — как «тающие» часы на картине «Постоянство памяти». Стекло разбилось, и владелец жаловался,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

что на замену придется потратить тысячи долларов. Хотя, по-моему, такая трещина была идеальным дадаистским комментарием к источнику. Мне очень понравилось.

На вечеринке — по какому бы поводу ее ни устроили — было очень людно. Помню, как стоял на балконе, когда к нам подошел мужчина в возрасте в крайне забавном костюме. Он говорил с легким акцентом, возможно креольским. Представился он как Тигр. Уже этого хватало, чтобы его запомнить, но мы с Дебби еще и ощутили странную связь с ним. Мы как будто знали его целую вечность — словно встречались в прошлых жизнях. Верю ли я во все это? Пожалуй. Не помню, сколько раз мы с Дебби обсуждали эту встречу потом, но в любом случае достаточно, чтобы сравнить воспоминания и обнаружить сходство наших ощущений.

Вскоре, году в 1975-м, Дебби нашла эту женщину — Этель Майерс, которая была ясновидящей, экстрасенсом. Скорее всего, нам кто-то о ней рассказал, хотя не исключаю, что мы просто вышли на нее через рекламу в Village Voice или Soho News. Этель принимала в восхитительной квартире — первый этаж дома на маленькой улочке в спальном районе, сразу за театром «Бикон». Интерьер был великолепен. Он, наверное, не менялся с начала века, когда построили здание. Приемная походила на теплицу, обставленную мебелью. Повсюду виднелись декоративные растения и травы. Пожелтевшие книги о таро и эманациях лежали на пыльных журнальных столиках. Это помещение видало виды и напомнило мне квартиру из фильма «Ребенок Розмари» — в тот момент, когда ее впервые показывают героям Мии Фэрроу и Джона Кассаветиса.

Мы втроем сели, и Этель сама предложила нам включить кассетник — мы взяли его с собой, чтобы записать сеанс. Она ничего о нас не знала, но начала с эффектного вступления. Она сказала Дебби, что видит ее на сцене, что Дебби осуществит свои замыслы и будет много путешествовать. В какой-то момент Этель сообщила, что кто-то — вероятно, мой отец,— наблюдает за нами и что он ехидно сказал обо мне: «Я бы к нему и на пушечный

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

выстрел не приближался». Во многом чувство юмора я унаследовал от отца, а присказка про пушечный выстрел действительно была у него в ходу. Было ли дело в том, что экстрасенс знала словечки из пятидесятых, которыми сыпал мой старик, или это было нечто большее?

Та кассета по-прежнему где-то у Дебби. Помню, как мы слушали запись через много лет,— и голос Этель был таким тихим, выцветшим со временем, словно сама она превратилась в призрака.

Только что я позвонил Дебби и спросил, помнит ли она хоть что-нибудь из того, о чем я поведал. Она сказала: «Знаешь, Крис, в те времена мы жили по-другому, кислоты в воздухе было куда больше».

Между нами до сих пор существует какая-то связь.

КРИС СТЕЙН

Нью-Йорк, июнь 2018 года

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

1

ДИТЯ ЛЮБВИ

Полагаю, они познакомились году в 1930-м, в старшей школе. Влюбленные подростки. Она — девочка из среднего класса, ирландско-шотландского происхождения, он — деревенский мальчик, француз, живший где-то между Нептуном и Лейквудом в штате Нью-Джерси. Она была из семьи музыкантов. Дни напролет они с сестрами играли. Сестры пели, а она аккомпанировала на расстроенном старом пианино. Он также был из семьи творческой и музыкальной. Однако его мать лежала в психиатрической клинике — из-за депрессии или какого-то другого рецидивирующего нервного расстройства. Незримое, но существенное влияние. По-моему, звучит фальшиво, но именно так мне сказали в агентстве по усыновлению.

Ее мать упирала на то, что он ее дочери не пара. Она расстроила их отношения, и любви пришел конец. Чтобы пресечь дальнейшие контакты, ее загнали в музыкальную школу, и, судя по всему, после этого она стала колесить по концертным залам Европы и Северной Америки.

Проходит много лет. Теперь он женат, у него куча детей. Работает он в топливной компании, чинит масляные горелки. Однажды едет на вызов, и — та-дам! — там она. Стоит, облокотившись на дверной

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

косяк, волосы закрывают лицо, смотрит на него тем самым взглядом. У нее сломался обогреватель. Та еще картина, не правда ли? Но я уверена, что они обрадовались встрече.

Возможно, все эти годы они продолжали любить друг друга. Так что наверняка это было чудесное воссоединение. Она беременеет. Он в итоге рассказывает ей, что женат и у него есть дети. Она, в растрепанных чувствах, с разбитым сердцем, разрывает отношения, но ребенка решает оставить. Носит его девять месяцев, и в воскресенье, 1 июля 1945 года, в роддоме округа Майами-Дейд маленькая Анджела Тримбл прокладывает себе путь в этот мир.

Вместе с ребенком она вернулась в Нью-Джерси, где ее мать умирала от рака груди. Она ухаживала за обеими. Но мать убедила ее отказаться от Анджелы. И — она это сделала. Отказалась от своей Анджелы. Через шесть месяцев ее мать умерла, а дочь попала в бездетную семью, тоже из Нью-Джерси. Ричард и Кэти Харри из города Патерсона встречались после окончания школы. Новые родители Анджелы, также известные как Кэгги и Дик, дали ей другое имя — Дебора.

Вот и вся история. Я дитя любви.

Говорят, что обычно люди не запоминают первые годы жизни, но у меня таких воспоминаний море. Первое из них датируется моим третьим месяцем. Это день, когда мама и папа забрали меня из агентства по усыновлению. Чтобы это отметить, они решили устроить небольшую вылазку на детский курорт, где был контактный зоопарк. Помню, как меня носили на руках; гигантские создания глядели на меня сверху вниз из загона — я ясно это вижу. Однажды я поделилась этим впечатлением с мамой, и она изумилась: «Боже мой, это было в тот день, когда мы тебя забрали, ты не можешь этого помнить». Там были только утки, гуси и козел, сказала она,— ну, может, еще пони. Но в три месяца мне не с кем было их сравнить. Зато я уже пожила с двумя разными мамами, в двух разных домах, под двумя разными именами. Сейчас я думаю, что тогда, вероятно, испытывала панику. Мир был небезопасен — приходилось смотреть в оба.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Первые пять лет моей жизни мы провели в маленьком доме на Седар-авеню в Хоторне, Нью-Джерси, рядом с парком Гофл-Брук, который растянулся на весь городишко. Когда власти расчистили под него землю, рядом поставили времянки для строителей-мигрантов — представьте себе маленькие тесные квартирки без всякого отопления, если не считать печки-буржуйки. Мы занимали дом прораба на краю большой лесной зоны — он к тому времени уже отапливался.

В те годы детей старались чем-то занять. Но мне говорили: «Иди на улицу и поиграй», и я шла. Товарищей по играм у меня было не то чтобы много, так что порой я играла в своем воображении. Я была этаким ребенком-мечтателем. Но при этом и пацанкой. Во дворе на большом клене папа повесил качели и турник — и я представляла себя в цирке. А еще я возилась с палочками, копала ими ямки, ворошила муравейник, делала из них что-то — ну, или каталась на роликах.

Оак-плейс

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Больше всего на свете мне нравилось бродить по парку. Для меня это был самый настоящий волшебный, заколдованный лес. Родители всегда мне наказывали: «Не ходи в парк, ты не знаешь, кто тебе встретится и что может случиться», как обычно и говорят в сказках. А волшебные истории — все невероятные, вызывающие трепет сказки братьев Гримм — были важной частью моего взросления.

Стоит признать, что по кустам действительно слонялись всякие подозрительные личности — скорее всего, мигранты. Самые настоящие бродяги, которые катались на поездах и околачивались в парке. Наверное, им давали там какую-то работу — подстричь газон или что-то в этом роде, после чего они снова прыгали в вагон и ехали дальше. Еще там попадались лисы и еноты, иногда змеи и был небольшой ручей с лягушками и жабами.

Вдоль ручья, где никто не ходил, стояли разрушенные покинутые лачуги. Я часто лазала по этим шатким, старым, заросшим мхом и плесенью грудам старого кирпича, торчавшим из земли. Я могла сидеть там вечность и мечтать. Все это были страшноватые детские переживания, что наверняка случались и у вас. Устроившись под кустом, я представляла, как сбегу из дома с настоящим индейцем и буду есть ягоды сумаха. Папа часто грозил мне пальцем и говорил: «Никогда не трогай сумах, он ядовитый». И вот я буду жевать этот невероятно горький сумах и с надрывом думать: «Скоро я умру!» Здорово, что у меня были эти жуткие детские фантазии — насыщенная жизнь в мечтах. Благодаря им — а также телевизору и сексуальным маньякам — развилось мое творческое мышление.

У меня была собака по имени Пэл. Какой-то терьер, судя по всему; коричневато-рыжий, на редкость лохматый, с жесткой шерстью, висячими ушами, усами, бородой и отвратительнейшим телом. Хозяином пса был отец, но Пэл вел себя крайне независимо. Самый настоящий дикий пес, которого не кастрировали. Тот еще кобель. Он убегал из дому и приползал обратно после недельного загула, совершенно вымотанный амурными приключениями.

Парк наводняли полчища крыс. Город становился все менее сельским и более населенным, так что грызуны совершали набеги

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

на дворы и рылись в мусорных кучах. Поэтому местные власти начали раскидывать в парке отраву. Провинциальный менталитет как он есть — в то время они травили всех и все, что только можно. В общем, Пэл эту отраву съел. Ему было так плохо, что папе пришлось его усыпить. Просто ужасно.

Однако на самом деле для ребенка место было чудесное: настоящий маленький американский городок. По счастью, тогда еще не появились торговые центры. В нашем распоряжении была только небольшая главная улочка и кинотеатр, где воскресный утренний сеанс стоил четверть доллара. Все дети туда ходили. Я тоже любила кино. А еще кругом были фермерские хозяйства: на холмах пасли скот, на полях и в садах выращивали овощи и фрукты, свежие и дешевые. Позже фермеров вытеснили разросшиеся новостройки.

Для города это была стадия «трансформации», но я была слишком мала, чтобы знать это слово, понимать его смысл или вообще интересоваться подобными вещами. Мы жили в спальном районе, потому что папа работал не в Хоторне — он ездил в Нью-Йорк. Не так уж далеко, но, боже, тогда казалось, что даль невероятная. Волшебная. Еще один зачарованный лес — кишащий людьми и с высокими зданиями вместо деревьев. Все такое другое.

Папа ездил туда работать, а я — развлекаться. Раз в год бабушка по маминой линии брала меня в Нью-Йорк, чтобы купить мне зимнее пальто в Best & Co. — знаменитом консервативном универмаге. После этого мы отправлялись в Schrafft's на углу Пятьдесят третьей улицы и Пятой авеню. Этот обставленный в старомодном стиле ресторан напоминал английский клуб, где изящно одетые пожилые леди чинно сидели и потягивали чай из фарфоровых чашек. Очень пристойно — и вдали от городской суеты.

На Рождество мы всей семьей выбирались полюбоваться елкой в Рокфеллеровском центре. Смотрели на людей на катке, глазели на витрины магазинов. Мы были не утонченными горожанами, что ходят на бродвейские спектакли, а жителями пригорода. Если мы и смотрели шоу, то в мюзик-холле Radio City, ну и пару раз были на балете. Возможно, после этого я задумала

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

стать балериной — правда, эта мечта надолго не задержалась. А вот волнение и восхищение после спектакля и само ощущение сцены — остались. Хотя я любила кино, моя реакция на живые выступления была именно физической, очень чувственной. Точно так же я реагирую на Нью-Йорк, на его запахи, виды и звуки.

В детстве мне еще очень нравилось ездить в Патерсон, где жили обе мои бабушки. Папа любил пробираться задворками, по извилистым узким трущобным улочкам. В то время, до благоустройства, Патерсон по большей части был старым и заброшенным, его наводняли рабочие, приехавшие поступить на фабрику или шелкоткацкий завод. Патерсон прозвали Шелковым городом. Река Пассаик, с ее водопадами, вращала турбины, а те запускали ткацкие станки. Все детство эти водопады стояли у меня перед глазами — спасибо местной газете The Morning Call. На первой странице, в самом верху, был рисунок тушью, изображавший бурлящую реку.

По Ривер-стрит папа всегда ехал очень медленно — уж очень она была оживленная. Мы видели цыган, живших в подвалах магазинов, и чернокожих, которые приезжали с юга. Они носили одежду кричащих цветов и повязывали на головы банданы. Для маленькой девочки из исключительно белого пригорода, где жили люди среднего достатка и пониже, это было восхитительное зрелище. Потрясающее. Я высовывалась из окна, ошалев от любопытства, а мама меня одергивала: «Вернись в машину! Тебе сейчас голову оторвет!» Она бы предпочла не ездить по Ривер-стрит, но папа был из тех, кому нравится, что у них есть собственный тайный путь. У меня был классный отец!

Для меня загадка, почему в моей семье так мало было известно о папиных родственниках. Никто о них не говорил: чем занимаются, как оказались в Патерсоне. Помню, что, став постарше, я пыталась выведать у отца, чем дедушка зарабатывал на жизнь. Папа ответил, что он то ли шил, то ли чинил обувь в Морристауне. Полагаю, что все в семье, включая папу, считали подобное ремесло слишком ничтожным, чтобы открыто о нем упоминать. По-моему, это довольно печально. Но папа тут же добавил, что зато дедушке повезло

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

не потерять работу во времена Великой депрессии: он продавал ботинки на главной улице Патерсона. У них были деньги в то время, когда столько людей еле перебивались.

Мамина семья находилась в Шелковом городе в куда более привилегированном положении. У ее отца было место на фондовой бирже до того, как она обвалилась, и он владел банком в Риджвуде. Так что в определенный период жизни они стали довольно зажиточными. Когда мама была ребенком, они отправились в Европу и посетили все столицы во время большого тура, по их собственному выражению. Мама, ее сестры и братья получили высшее образование.

Бабушка была настоящей викторианской леди, элегантной, с претензией на роль светской дамы. Из всех ее детей моя мама самая младшая. Бабушка родила ее довольно поздно, что стало в кругу знакомых поводом выгнуть бровь и поперешептываться. Когда я с ней познакомилась, бабушка была уже старенькой. Длинные седые волосы доходили ей до талии. Каждый день Тилли, ее горничная-голландка, зашнуровывала на ней высокий розовый корсет. Тилли мне нравилась. Она работала на бабушку с тех самых пор, как переехала в Америку: сначала была няней моей мамы, потом — бабушкиной уборщицей и поварихой, а еще следила за садом. Она жила в доме на Кэрол-стрит, в чудной маленькой мансарде, окна которой смотрели прямо в небо. Через коридор, в чердачной кладовке, хранились пыльные сундуки, полные всяких интересных штуковин. Я проводила счастливые часы, роясь в них и перебирая изношенные сорочки, пожелтевшие газеты, порванные фотографии, пыльные книги, странные ложки, ветхое кружево, высушенные цветы, пустые бутылочки из-под духов и старых кукол с фарфоровыми головами. Мои грезы обычно прерывал взволнованный крик снизу. Я тихо закрывала дверь и выскальзывала с чердака. До следующего раза.

После окончания старшей школы мой отец начал работать в Wright Aeronautical — во время Второй мировой войны там производили авиатехнику. Потом он перешел в текстильную

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

компанию Alkan Silk Woven Labels — ее завод размещался в Патерсоне. Когда я была маленькой девочкой, он иногда брал меня с собой на работу. Не раз я ходила на экскурсию по заводу, но никогда не слышала слов гида из-за яростного гула станков.

Станки и правда впечатляли. Размером они были с наш дом, и на них висели тысячи и тысячи цветных нитей, в то время как челноки внизу с жужжанием ездили вперед-назад. Когда все нити сливались, то появлялись и развертывались ярд за ярдом ленты фирменного шелка. Мой отец отвозил их в Нью-Йорк и, как его отец до него, играл маленькую роль на дальнем рубеже мира моды.

Что до меня, я любила моду сколько себя помню. В моем детстве денег у нас было мало, и в основном я носила подержанные вещи. В дождливые дни, когда нельзя было погулять, я открывала мамин большой деревянный сундук. Он был забит одеждой, которую маме отдали друзья, и той, которую она не носила. Я одевалась и расхаживала по дому в туфлях, сорочках и всем прочем, до чего добирались мои липкие маленькие ручонки.

Телевизор — о, телевизор. Светящийся, словно призрак, семидюймовый экран, круглый, как аквариум. Помещавшийся в массивном коробе, на фоне которого собачья будка выглядела бы недорослтком. Сводящий с ума электронный шум. Гнутая антенна для приема сигнала. То хорошие дни, то пустые — когда сигнал трепыхался, пропадал, а изображение рябило и скакало.

Не то чтобы по этому телевизору много чего можно было увидеть, но я смотрела. В пять утра в субботу я уже сидела на полу, не отрывая глаз от испытательной таблицы, завороженная, в ожидании мультиков. Потом шла борьба, ее я смотрела тоже, стуча по полу и тяжело вздыхая; мое беспокойство все возрастало во время созерцания этой библейской битвы добра и зла. Мама ругалась и грозилась выбросить этот чертов ящик, если я его не выключу. Но разве смысл этого чертового ящика не в том, чтобы он работал?

Я была преданной почитательницей волшебной коробки. Я даже любила нажимать на кнопку выключения и смотреть, как картинка уменьшается до маленькой белой точки, а потом исчезает.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Когда начинался сезон бейсбола, мама выпинывала меня из дома. Забавно, что мама была лютой фанаткой этой игры, — я не шучу, говоря «лютой». Она восхищалась командой «Бруклин доджерс». Когда я была совсем маленькой, родители часто ходили на большой стадион в Бруклине и смотрели игры. Поэтому я всегда искренне расстраивалась, когда меня выгоняли на улицу во время трансляции матча. Подозреваю, что я просто была очень надоедливой, к тому же слишком громкой.

Еще мама любила оперу: ее она слушала по радио, когда по телевизору не шел бейсбол. Что касается музыки, мы не могли похвастаться большой коллекцией: несколько юмористических альбомов и Бинг Кросби, поющий рождественские гимны. Моим любимым был сборник «Мне нравится джаз!» с Билли Холидей, Фэтсом Уоллером и всякими другими исполнителями. Когда Джуди Гарленд начинала петь Swanee, я каждый раз рыдала в голос...

У меня тоже было радио, миленький коричневый приемничек Emerson, который нужно было включать в розетку, с лампочкой наверху, смешным старым круглым регулятором и цифрами золотистого цвета в стиле ар-деко вокруг него. Я прилипала ухом к крошечному динамику, слушая крунеров*, певцов из биг-бендов и вообще всю музыку, которая тогда была в моде. Время блюза, джаза, рока еще не пришло...

Летними вечерами прямо за парком выстраивался и репетировал военный оркестр. Эти мужчины, настоящие кабальеро, собирались после работы. Они только начинали карьеру и не могли позволить себе форму, так что носили списанные широкие морские брюки клеш, белые рубашки и шляпы с широкими полями и короткой тульей в испанском стиле. Играть они умели только одну песню — «Валенсия». Весь вечер они маршировали туда-сюда и порой пританцовывали, а из-за деревьев доносилась музыка. Моя комната

* Вокалисты, отличавшиеся особой вкрадчивой, как бы нашептывающей манерой исполнения (от англ. to croon — напевать вполголоса, мурлыкать). К крунерам часто относят, например, Фрэнка Синатру. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.*

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

с маленькими слуховыми окнами была прямо под крышей, так что я распахивала рамы, садилась на пол и слушала. Мама часто говорила: «Еще раз услышу эту песню — заору!» Но лично мне все это нравилось — духовые, барабаны и громкий звук.

Пока я не пошла в школу, развлечений у меня, в общем-то, не было, поэтому оставалось столько времени на грезы. Я даже помню, что переживала в детстве мистические состояния. Я слышала, как голос из камина говорил со мной и пересказывал какие-то математические выкладки, но понятия не имела, что они означали. Фантазии у меня были самые разные. Я представляла, что меня схватили, связали, а потом меня спас... нет, я не хотела, чтобы меня спасал герой,— я хотела, чтобы меня связали и плохой парень влюбился в меня до безумия.

И я представляла, как стану звездой. Однажды в полдень я сидела на залитой солнечным светом кухне вместе с моей тетей Хелен, которая потягивала кофе. Теплый свет играл в моих волосах. Тетя поднесла чашку к губам и окинула меня оценивающим взглядом. «Милая, ты выглядишь как настоящая кинозвезда!» Я была в восторге. Кинозвезда! О да!

Когда мне было четыре года, мама и папа пришли ко мне в комнату и рассказали сказку на ночь. О семье, которая выбрала себе ребенка — точно так же, сказали папа и мама, как они выбрали меня.

Иногда я ловлю в зеркале свое отражение и думаю, что у меня точно такое же выражение лица, как у мамы или папы. Пусть внешне мы были совсем не похожи и генетика у нас абсолютно разная. Полагаю, близость и общий опыт, растянутый во времени, которого у меня никогда не было с моими родителями по крови, наложили свой отпечаток.

Я не знаю, как выглядели мои биологические родители. Через много лет, уже взрослой, я пыталась отыскать их следы. Кое-что удалось выяснить, но мы никогда не встречались.

История моего удочерения, которую поведали родители, звучала так, словно я была особенной. Но, думаю, то, что в возрасте трех месяцев я была разлучена с биологической матерью

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

и оказалась в новом доме, на самом деле посеяло во мне безотчетный страх.

К счастью, мне удалось избежать многих неприятностей и бед — мне очень, очень повезло в жизни. Наверное, это была такая химическая реакция, которую теперь я могу проанализировать и понять с рационалистической позиции. Все вокруг хотели, чтобы мне было лучше, и всё для этого делали. Но не думаю, что когда-нибудь я чувствовала себя по-настоящему уютно. Все было иначе: я все время пыталась вписаться в окружающую обстановку.

И было время, когда я постоянно, постоянно боялась.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание и заказать в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги: Проза: Детские книги:

МИФ